

В рукопашном бою Эллиот тоже был уверен в себе. Он не зря занимался садовыми работами. Стройное тело на самом деле было довольно крепким, так что Артур Рентон не так легко одолел бы его.

— Правда? Тогда придётся действовать грязно, как подобает выросшему на грязном компосте.

— Ты никогда и не скрывал свою истинную природу.

— Твоя сестра с мужем сейчас в Монтеро, верно?

В мгновение в голове вспыхнул горячий ком. Нестерпимо. Прежде чем осознать, кулак полетел в морду того типа.

Бах!

В момент, когда он собирался снова замахнуться, Артур Рентон, повернувший голову, быстро схватил запястье Эллиота. У человека два кулака, и Эллиот не забывал об этом.

Хвать!

Другая рука тоже оказалась в его лапах. В момент, когда он собирался ударить ногой, тот тип грубой силой толкнул его. Потеряв равновесие, он упал на твёрдый деревянный пол.

Бух!

Поскольку на его тело обрушилась ещё и массивная туша противника, удар был сильнее, чем он ожидал. Из-за этого он сильно ударился затылком о пол, и грудь была придавлена. Не успела пройти боль, как тут же перехватило дыхание. Тот тип, упав на Эллиота и получив относительно меньший удар, приподнимаясь, одновременно двумя руками прижал запястья Эллиота. Коленом он надавил на внутреннюю часть бедра бьющегося Эллиота, прижав всем весом, блокируя всю ногу.

— Отпусти, грязный ублюдок.

— Сколько ещё я должен терпеть необоснованную ненависть и оскорбления, созданные твоим извращённым характером?

— Если бы ты не совал свою морду туда, куда тебе нельзя, этого бы не случилось.

— Это моя родина. Я вырос в Найтстоне.

— Кто ты такой, незаконнорожденный без корней. Это точно твоя родина? А не бордель в Роднии?

Лицо того типа сначала побледнело, а затем покраснело. Даже на тёмной коже живо отразились тени потрясения и гнева. Эллиот почему-то почувствовал удовлетворение.

— Заткнись, пока я не вырвал твой красный язык, проклятый даже сатаной.

— Если ты ещё раз упомянешь имя моей сестры, тогда скажу и похуже.

— Правда? Очаровательная Элизабет Дейл, а теперь уже Чешир? Прекрасная леди, которую скоро будут звать баронессой Роуд, преследуется из-за игорных долгов по тёмным переулкам Монтеро? Если я не буду настолько великодушен, чтобы купить твои вещи, твой племянник

может родиться в борделе Роднии.

Он не мог сохранять рассудок. Любовь Эллиота к Лилибет породила безграничную силу, и всё же её не хватило, чтобы оттолкнуть мужчину, оседлавшего его, – он сел на поясницу упавшего и замахнулся кулаком.

Бах!

Но тот тип тоже был не из слабых. Он снова повалил Эллиота и на этот раз очень сильно надавил на спину невольно оказавшегося ничком Эллиота. По ощущениям это было, похоже, колено. Позвоночник был придавлен, дышать было трудно.

— Ублюдок! Я убью тебя прямо сейчас!

— Если только я не убью тебя первым.

Рука того типа, словно железный крюк, обрушилась на затылок Эллиота. Нос и губы коснулись грязного пыльного пола. Прохладный воздух, смешанный с пылью, проник в лёгкие. Рот был прижат, так что говорить нормально было невозможно.

— Слушай внимательно. Эллиот Дейл.

Опустилась густая тень, и губы того типа коснулись уха.

— Ты должен думать и о своей сестре? Как ты думаешь, откуда я узнал новости из Монтеро?

Он попытался закатить глаза, чтобы посмотреть на того типа, но это было нелегко. Вместо этого, тяжело дыша, он дёргал конечностями. Несмотря на то что он яростно выворачивал тело, тот тип ловко сохранял превосходство.

— У меня занимали деньги не один и не два. И в Монтеро тоже есть. Среди них есть те, кто, оказавшись в безвыходном положении, пускается в преступления. Этот тип сказал, что выманит деньги у очень глупой новобрачной пары, так что попросил подождать. Конечно, у меня нет таких намерений.

— Ты... ты грязная свинья! Это ты подверг Лилибет опасности! Я убью тебя!

— Нет, не я, а вина твоей сестры, попавшейся отчаявшемуся типу. Я никогда не подстрекал их причинить им вред. Узнав, что эта пара – супруги Элизабет Дейл, я из сочувствия собирался отсрочить дату погашения. Но, похоже, в этом нет необходимости. Как думаешь?

— Артур Рентон! Ты прогнил хуже нечистот, и даже царь ада будет поражён твоей мерзостью и откажется принять тебя в ад!

— Как насчёт осторожнее с языком? Ведь жизнь твоей любимой Лилибет в моих руках. Разве Лилибет не просила прислать деньги?

Срочные телеграммы приходили каждый день. Повторялось только одно: если не отправить почтовый перевод завтра же, она может оказаться в опасности.

— Даже теперь отменишь сделку?

Эллиот царапал пол кончиками пальцев. Крепко стиснув зубы, он зажмурился. Ответ был очевиден.

— У... ууух!

— Тише, тише. Эллиот. Ты заключишь со мной сделку. Как бы свободно ты ни болтал своим ядовитым языком. Иначе твоя сестра окажется в опасности.

При этом тот тип прошептал очень низко:

— Ты ведь любишь свою сестру? Потому что ты чёртов нарцисс и проклятый извращенец.

Никакое оскорбление в мире, никакое проклятие не было ужаснее того, что только что изрёк Артур Рентон. Даже когда родители погибли в несчастном случае, он не чувствовал такого ужасного ощущения, которое теперь охватило всё тело.

"Ложь. Беспочвенная ложь".

Он любил Лилибет, но это была любовь брата к сестре. Внезапно потеряв родителей и живя под опекой малознакомого дяди, он беспокоился о Лилибет, иногда слушал обиженные жалобы сестры на то, что ей душно, но никогда не питал к ней ни капли грязных чувств.

Почему же его сердце словно пронзено вертелом? Не были ли чувство утраты, ревность и печаль, поднимавшиеся из глубины каждый раз, когда он видел, как мило Уильям и Лилибет любят друг друга, вызваны не только тем, что он проводил вторую половину души?

"Нет. Нет. Это всё козни Артура Рентона. С детства он набрасывался и мешал, стоило ему увидеть, как мы, близнецы, мило играем".

Он завидовал Эллиоту, которого Лилибет любила и которому следовала, и всегда пытался навредить ему. Сейчас это было продолжение того же ребяческого и злого поведения. Он никогда, ни разу не питал к Лилибет отвратительных похотливых мыслей. Это было то, что делал Артур Рентон.

— За... кни... сь... бл...

"Заткнись. Ублюдок".

Как бы яростно он ни бился, сбросить того типа было нелегко. Артур Рентон, казалось, подло наслаждался этими мучениями Эллиота. В уголке глаз, повернутых до предела, виднелись губы того типа, искривлённые в улыбке.

— Долг того типа, шантажирующего Элизабет, может мгновенно вырасти в несколько раз. Если я не напишу письмо. Он потребует больше денег, и когда сумма станет непосильной для тебя, твоя любимая Лилибет... будет жить где-то в районе, где жила моя мать.

— У... ууф! ...Ууф!

— Если бы ты бездумно не попилал мою чистую доброту, добрая и невинная Лилибет не оказалась бы в таком положении. Всё это твоя вина. Эллиот.

Бах! Бах!

Он бил кулаком по полу. Он хотел посмотреть на Артура Рентона. Как бы он ни бился, повернуть голову было возможно лишь до определённого предела. Боковым зрением различая смутные очертания того типа, он мысленно осыпал его проклятиями.

"Что ты собираешься делать! Ты грязный ублюдок!"

— Делать плохие вещи оставляет горький привкус. Тем более когда делаешь это невинному человеку, с которым связаны хорошие воспоминания. Так что заплати мне цену, чтобы я не делал плохих вещей.

Слова сумасшедшего были зловещими. С тех пор как мальчик, изгнанный с несколькими монетами, стал богачом, управляющим даже банками, неизвестно, что и как он делал, но он точно не накопил богатство чистыми методами. Возможна связь с преступными организациями - иначе трудно было бы накопить огромное состояние в молодом возрасте.

— "Приходи сегодня ночью в мою комнату". Та записка. Действительно ли её написала Лилибет? Я до сих пор сомневаюсь. Она, похоже, действительно ничего не знала. Из-за чьей-то злой ловушки я стал грязным типом, пытавшимся осквернить ребёнка младше десяти лет. Цена была ужасной. Я потерял любимого приёмного отца, родину, всё.

— У... ух... кх.

— Теперь невозможно повернуть время вспять. Всё, что я пережил, невозможно сделать несуществующим, что бы я ни делал. К тому же для покойного приёмного отца я остался мерзким, грязным, неблагодарным негодяем.

В этом месте он проглотил глубокую обиду. В тот момент хватка того типа ослабла, и Эллиот наконец смог оторвать губы от пола.

— Фух... И что? Что делать с тем, что уже не повернуть вспять?

— Я получил наказание за несправедливое обвинение. Если нет способа исправить это...

Артур Рентон медленно опустил голову и встретился взглядом с Эллиотом, прижатым к полу. Его глаза, окрашенные безумием, сузились.

— Надо сделать так, чтобы это несправедливое дело больше не было несправедливым.

— Что?

— Я опозорю тебя. Так мерзко и грязно, что заслуживаешь быть избитым и изгнанным из родины.

Ухмыляющееся лицо того типа было похоже на дьявола. Эллиот будто облился ледяной водой - ощущения онемели. Кипевший гнев мгновенно остыл, и вместо него хлынула такая тошнотворная мерзость, что захотелось вырвать.

Тошнотворный незаконнорожденный ублюдок.

Он мог думать только об этом.

Как он выбрался из Замка Терновника, он помнил нечётко. К тому времени как он прибыл в Найтстон, Гилфорд, уже погрузивший все вещи своего хозяина, склонил голову и уехал на повозке с грузом. Посредник, ждавший всё это время, протянул деньги за продажу.

— Вот чек, получите. Сделка в любом случае состоялась. Разрыв возможен только с согласия джентльмена, то есть господина Гласстона. Тогда я пойду.

Ближе к вечеру снова пришла срочная телеграмма, похожая на крик, с требованием немедленно отправить деньги. Получив телеграмму, Эллиот задрожал от страха.

"Твой племянник может родиться в борделе".

Ужасное проклятие Артура Рентона потрясло Эллиота. Охваченный страхом, он сразу помчался в банк, обменял чек, превратил его в почтовый перевод и снова отправил в отель в Монтеро.

В тревоге и беспокойстве прошло два дня, и снова пришла срочная телеграмма. Отправитель – Кобс.

/Везу барышню и её супруга из Монтеро. Пережили слишком многое, у барышни признаки нервного истощения. Планируем отдохнуть на ближайшем курорте./

Нервное истощение. Эллиот очень сожалел, что не отправил деньги вовремя. Почему он заранее не обеспечил наличные. Одновременно он разозлился на Уильяма Чешира. Но больше всего он ненавидел себя. Не стоило так спешить с отправкой.

— Монтеро! Чёртов Монтеро!

Если бы они не отправились в путешествие, или хотя бы путешествовали только по стране с центром в Роднии, всё было бы в порядке.

Он хотел написать гневное письмо роду барона Роуда, но сдержался. Ему до смерти хотелось немедленно развести их. Было так досадно, что это время неласково к разведённым. Он хотел избежать того, чтобы брак сестры погрузился в несчастье.

Пока Лилибет не восстановит ослабленный дух и тело, она должна была провести время на курорте. Нужен был кто-то, кто позаботится о ней, поэтому госпожа Поллинет отправилась туда, где находилась Лилибет. Так что пока они были в санатории, требовались средства на проживание нескольких человек. Деньги, выплаченные Артуром Рентоном, исчезли именно так.

— Господин. Прибыл гость.

В конце концов он вынужден был принять помощь Артура Рентона. Эллиот, стоявший посреди теплицы с открытым окном с секатором в руках, долго застыв, на зов Бетси повернул голову. В глазах молодой служанки читался лёгкий страх.

— Кто?

— Господин Артур Гласстон.

Теплица, залитая солнечным светом, внезапно показалась холодной равниной посреди зимы.

— Зачем?

— Сказал, пришёл забрать обещанное.

Обещанное. Лишь после долгих раздумий, что это такое, Эллиот вспомнил мерзкое условие, которое выдвинул этот тип. Ему показалось, будто бесчисленные насекомые ползают по коже.

— Скажи ему вернуться.

— Что?

— Скажи, что обещанное я принесу завтра вечером. И чтобы он не ступал в мой дом.

— Да.

Бетси поклонилась и семенящей походкой выбежала из теплицы. Тёплый ветер поздней весны был таким холодным. Эллиот дрожащими руками крепко обнял себя. Охваченный гневом, отчаянием и мерзостью, он зажмурился.

<http://bllate.org/book/15148/1570481>